

...Перелистать нашу жизнь.

Сколько страниц!

...а может, мало, совсем мало...

И, нервно, торопливо листая, наткнуться на медные, бедные строки о смерти; но ты так любишь жизнь, без меры, бесконечно, что даже твой уход тебя не пугает – ты и за него готов поднять бокал и ему пропеть славу, возблагодарив Господа за чудо пребыть на свете и необъяснимое чудо уйти из него, из этого старого, перед зимою холодного, если крепко не натопить, деревенского дома.

Жить на свете...

И то правда: отовсюду, из всех строк и даже букв этой книги льется свет.

Речь идет о новом сборнике стихов Олега Рябова «Сад осенью».

Название многозначное: осень – время урожая; осень – время предзимья, когда, вместе с близкой зимой, земля закрывает глаза.

Удивительное это дело – поэзия. Это никоим образом не версификация. В стихах мне всегда неважно, искусно поэт рифмует или безыскусно, стремится он к дерзким новшествам или довольствуется ржаным хлебом традиции. Важно всегда то, чего он этим своим искусством, умением (и возможностью!) складывать слова в столбик, достигает.

А Олег Рябов в этой книге достигает многого. Такого, перед чем хочется помолчать, ибо любые красочные словеса и похвалы тут бессильны и даже никчемны:

А на просторе, за деревню,  
Я окунулся в волчий холод:

Здесь – озимь в инее сиреневом,  
Там – чувства за глухой щеколдой.

Ну вот – и я среди отверженных,  
Хватай свободу сердцем раненым.  
Но почему-то я, как прежде,  
Не рад, и это очень странно.

Что же явилось материей для этой маленькой книги стихов, почти что песен и почти что молитв, из чего автор, с задыханьем и горечи, и счастья, настолько подлинным, что пугаешься этой настоящести – так мы от нее отвыкли, сидя за частоколом искусного (и даже блестящего!) литературного притворства, слепил эту цельную скульптуру, срубил этот дом – прочный, деревянный и теплый, в котором можно и жить, и мечтать, и любить, и работать, и плакать?

А темы-то стихотворений – вот они, всегдашние, вечные. Природа. Времена года. Ушедшая юность. Урожай. Беда. Жизнь. Смерть. Вечная любовь. Разве этого так мало для подлинного поэта?

Я Родину, как рощу, прохожу:  
Напоперёк, побосиком, навстречу  
Унылому пастушьему рожку,  
Так манит он – легко, по-человечьи.

...

Без Родины мой дар и глух, и слеп,  
А я могу – острее клюва цапли...  
И жжет крапивою, и мучает во сне,  
Когда за шиворот стекает боль по капле.

Процитированные стихи – кстати, из последнего раздела книги, который назван «Тетрадь Бори Иванова» (из романа «Убегая, оглянись»). Здесь мы тоже наблюдаем легчайшую тень русской литературной традиции – стихи в романе, внутри прозы, чтобы ярче высветить сердце героя, чтобы под линзой рифм разглядеть тайны его мысли и таинства его любви. Но эта «Тетрадь...» в книге Рябова – еще одно доказательство необязни, смелости художника, который, проходя сквозь всепожирающее время, заходит, забегаем чуть впереди него – и открыто и счастливо глядит ему в лицо.

Будь понежней, погладь меня,  
Мне многого не надо.  
Уже плывёт моя ладья  
Вперёд, до небограда.

Уже я слышу, как трубят  
Мне ангелы в предгорьях.  
Уже предутренний туман  
Мне говорит о скором

Прощанье. Дай мне поцелуй  
И подсласти отчаянье,  
Отчаянному пацану –  
Свой поцелуй случайный.

Жизнь и женщина начинаются с одной буквы. Это звучащее и смысловое родство, возможно, видели уже многие, говорящие на русском языке. Здесь идет прямая ассоциация, проводится прямая эта параллель: герой тихо говорит с любимой, а на самом деле он разговаривает с жизнью. Так просто! И так пронзительно.

Книжечка, такая маленькая... Размером с сердце.

И бьется она в руках, как сердце под рукой.

И пульсирует, бьется огонь за стеклами окон, в густой и глухой ночи – идет человек по ночному городу, заглядывает в светящиеся окна, как то делали сотни, тысячи людей до него. «Вот опять окно, где опять не спят...» – да, напрашивается эта классическая параллель. Но Рябов, что парадоксально, сам родившийся в эпоху Цветаевой и Пастернака и, разумеется, начитанный ими до макушки (как все мы в свое время), поет абсолютно своим голосом на эту бессмертную тему, выводит совершенно свою (чудесно несовершенную – и оттого еще более горькую и сладкую, предельно живую!) мелодию:

Молюсь на окна, что горят в ночи –  
Горят в гнилушках жизни светлячки

Мерцают в сонном царстве городском:  
Там те, кто болен, – им не нужен сон.

Там пишут пьесу, исповедь, роман,  
Там пьют тоской наполненный стакан,

Там колыбель устало тешит мать,  
А может, там любовь – чего гадать?

Молюсь на окна и считаю их,  
Ночных друзей, товарищей моих.

\* \* \*

Ключевой образ, мегаобраз книги, уложенный в точную формулу ее названия, должен оправдать ее контрасты и парадоксы и показать ее эстетику во всей красе. Сад осенью – с самого первого стихотворения сад этот перед нами, и стучат яблоки, падая на холодную землю, замерзает вода в садовой бочке, «...курица пёстрая лапою цепкой / Что-то там ищет устало...». Картина осеннего умирания природы написана точно и четко, скупыми графическими штрихами. И двое, что появляются ближе к финалу стихотворенья, вписываются в ее фигуратив вполне: честно и печально. Да ведь какая здесь разлука-то? Сначала глаз цепко хватает, а ум догадывается: любовная! А потом сердце устало и просветленно понимает: да нет, это все – о жизни и смерти.

...Что же так холодно? Вскопаны гряды.

Куча ботвы у забора.

Что ж мы с тобою сегодня не рады?

Грустные проводы, сборы.

Низкое небо сулит скорый дождь –

Как бы разлуки не вышло.

Руку свою ты в ладонь мне кладёшь,

Словно сырую ледышку.

Но наивным было бы думать, что эти стихи Олега Рябова – такое скорбное *memento mori*. Скорее уж это *memento vitae*. Да еще так страстно художник Рябов о жизни помнит, что память эта становится ежечасной и ежесекундной любовью, признанием в любви ко всему сущему, к красоте, печали, скорби и праздникам милой жизни, плоть от плоти которой мы все и есть:

...Как челюсть, обожжённая на солнце,  
Старинной крепости зубчатая стена  
Ждёт возвращенья генуэзцев и веронцев,  
Чтобы восстать от векового сна.

Ни годы-грызуны, ни исполины-века  
Не справятся с надеждой и мечтой.  
Мечта! Пускай она неисполнима,  
Она заманчива за гранью и чертой.

И все же опять и опять всплывает эта мелодия, этот лейтмотив – тема осеннего сада, светлой, холодной и ознобной осени, на которую в книге так много светло-изящных или темно-трагических вариаций. И вот она, русская деревня, которую так настойчиво губили – и не сгубили, и пережила она и раскрестьянивание, и разрушенья, и затопления, и голодуху («мор, глад и землетрясения по местам...»), сказано в Писании), – и художник зорко видит ее, нынешнюю, и пишет, старается спокойно, а получается опять пронзительно и грустно:

Здесь каждый дом – свой век, своя судьба,  
Упрёк в близости бетонным новостройкам,  
И тонкая наличников резьба  
Подобна лучшим стихотворным строкам.

Идёт пацан, коза на поводу,  
В руке дубец, и он козу ругает  
Так нежно, что захватывает дух.  
И это – жизнь, хотя она другая.

...И это печаль, все равно смешанная с радостью.

От радости Олег Рябов не убежит никуда; праздник, который всегда с ним, это и есть его слово, его стихи. Его стихия.

Другая жизнь! И здесь тоже загадка. Горожанам ее можно разгадать далеко не всегда. Но Олег Рябов – поэт, он знает и любит землю, свою родную землю, и то, что он любит, он любит накрепко – не только душой, но густо и плотно звучащим, плывущим музыкой и ледоходной рекой, многозначным, многопластовым словом. И вдруг, напоследок, слово это теряет вес и обретает крылья, и, оказывается, проста его вечная загадка: надо просто идти вперед, лететь вперед, и совместимы, как улыбка и слезы, ангельские крылья и прямой и смелый человеческий взгляд.

По талому снегу, по первой воде  
Пойду я к своей путеводной звезде...